

Союз писателей Болгарии

Болгарская литература на перекрёстке времён

Тодор КАРАКАШЕВ

Анализ существующих сегодня направлений в литературном пространстве Болгарии явно свидетельствует, что они имеют прямое отношение к реальной жизни. Смена политической системы привела к дефициту ценностей и в обществе, и в слове. Прежние ценности, где по праву, а где и без него, были просто отвергнуты, а новые всё ещё не прижились. В итоге смена ценностей зачастую превратилась в их подмену.

И как результат всего этого в литературе – наплыв, в первую очередь, криминального чтения. Лишь с некоторой национальной особенностью, где основные герои, преимущественно реально существующие лица, изображаются в полуромантическом стиле, который нравится массовому читателю. Конечно, среди пишущих встречаются и авторы с беспорочным литературным талантом: Христо Кальчев, Донка Петрунова, Бойко Беленский и ещё несколько имён.

Государство отошло от литературы. До недавнего времени всё было предельно ясно – идеологическая надстройка определяла критерии. В нынешней же обстановке литература приобрела новое зна-

чение, которое привело к новому взгляду изнутри её самой. Простому отражению действительности пришло на смену отражение идей. Произведения усложнились. При этом им необходимо быть адекватными культуре, образованности читательской аудитории и особенностям сегодняшнего рынка. Плохо то, что в некоторых случаях тенденции воспринимались слишком буквально, прямолинейно.

Уже более двух десятилетий мы являемся свидетелями эксперимента постмодернистских изысканий. Одновременно многие авторы среднего и старшего поколений, которые определяли лицо нашей литературы, как-то отошли от активной писательской деятельности. Одни ввали в житейский и творческий застой, другие не смогли вписаться в новые реалии жизни, третьи ушли от чисто финансово-причинных. Всё реже встречаются и в без того оскудевшей литературной печати такие имена как Янко Станоев, Васко Жендов, Димитр Шуманлиев, Борис Христов, Иван Цанев...

В то же время болгарская литература никогда не оставалась без талантливых авторов. Проблема лишь в том, что сегодняшняя посредственность, которая всегда более активна и быстрее приспосабливается, всё чаще получает признание, всё легче захватывает литературные подмошки. Невысокие критерии со стороны критики дополняют пейзаж.

Этот двойственный статус наиболее отчетливо наблюдается в прозе. В ней и сегодня есть немало таких мастеров слова, как Деян Енев, Калин Терзийски, Кристина Димитрова и другие. Но анализ творческого процесса неизбежно указывает на некоторые новые моменты, касающиеся, прежде всего, воспитательной и познавательной функции литературы, уже окрещённые кое-кем устаревшими.

И нет сомнения в том, что активное вмешательство электронных средств коммуникации оказало серьёзное влияние на ход литературного процесса. По большей части, в современных произведениях социальная тематика заменена личностными переживаниями (городскими историями, какими-то не житейскими желаниями, потребностями...). Сегодня культовые авторы всё чаще дают о себе знать через интернет, без участия литературной критики. Эта псевдодемократичность даёт ошибочное представление молодым об истинных ценностях, приводит к иной ценностной системе, которая принимается с лёгкостью и без особых усилий автора или читателя.

Усилился и поток мемуарной литературы с чисто художественной функцией, а также с юмористическим уклоном. Примером подобного нового отношения к литературе могут служить неформальные молодёжные писательские организации, появившиеся в последнее время. Самые известные среди них – «Быстрая

литература» и «Литература, Диктатура». Цели этих организаций можно определить как попытку приближения и соизмеримости с современной западной литературой, а также быстрой рыночной реализации через СМИ. Среди самых нагнетавших представителей этих формирований можно назвать Радослава Парушева, Георгия Господинова, Захария Карабашлиева, Момчила Николова и ещё некоторых авторов, считающих себя антиконформистами. Но, по мнению части критиков, скорее всего, они представляют группу имитаторов западных авторов, вроде Чарльза Буковски. Тем не менее, их охотно принимают некоторые издательства. А это уже говорит об определённом читательском интересе.

Примерно так же обстоят дела и с поэзией. В её основе – сильное поколение некогда утвердившихся авторов, всё ещё блестящих своим талантом и державших высокую планку. Это Георгий Константинов, Калин Донков, Пётр Анастасов, Пётр Караангов, Ефтим Евтимов и другие. В последнее время за ними в литературу хлынула армия молодых поэтов, и некоторые из них добились заметных успехов. Как это характерно для юного возраста, они порой торопятся как можно скорее издать свои книги. Но в данном случае важнее, что их присутствие определяет некоторые свежие тенденции в поэзии, которая по-прежнему увлеклась в одно время постмодернизмом.

С одной стороны, молодые поэты начали массово писать свободным стихом. С другой, явно был наметен уклон к коротким формам – четверостишиям, хайку и пр. Электронные средства массовой информации предложили широкую возможность показать себя, чем незамедлительно воспользовалась молодёжь, не осознавая порой, что это может привести к снижению художественно уровня произведений. Но и это объяснимо, поскольку сегодня в стране практически нет авторитетных изданий, которые бы предоставляли трибуну для продвижения настоящих талантов. Раньше каждый окружной город издавал свой литературный сборник, альманах или журнал. Таких сейчас практически не существует, за исключением Плевена и, быть может, ещё двух-трёх округов.

Но в последнее время наметились и положительные сдвиги. Наблюдается возвращение молодых к классическому стиху. После того как они «попалили» со свободным стихом, вновь обратились к прежним традициям болгарского и славянского классического стихосложения. Эти опыты пока ещё робкие, а иногда и довольно наивные, но уже говорят о более серьёзном отношении к поэзии.

Перемена в настрое привела к новому мышлению поэтов в целом. Вернулся пафос литературы, очищенный от идеологизмов, политических наслоений и навязчивой идеологии. Поэзия стала социализированной, и это уже заметно. Всё чаще затрагиваются патриотизм, национальное чувство гордости, ответственности перед обществом и активное участие в жизни. И это не может не радовать.

Перевёл Веселин Георгиев

Поэзия и проза Болгарии

Анибал Радичев

жжёт своим языком, а откуда –
не видно...

Хищный голос
квартирных доходчивых слухов –
отлучает, клеимит и шушукает глухо.
В ней сенсация жёлтая

компроматов,
доносов из сумрачной зоны.

И шипит,
и подброшенным словом пророчит,
и рычит, и плюётся,

и жёлчно бормочет.
И жуёт оклеветанных,
и глотает молва своей алчною пастью.

После ропот фальцетный
вздыхается властно
в гулкий вой, в гневный смерч,
в ураган многозвучный...

Лжи присвоив достоинство
истины чистой,
клевета изымает из «чёрного списка»
только люмпена,

что дармоедством гордится.
Интерес закулисный за него таится.
Если вдруг, не обманут навеко дымной,
назовёт кто-то слепотно

грязной анонимной, –
сам солжёт...
Ведь, как жало,
под строчками –

электронная подпись торчит:
Дон Базилио.

И вот – в Рай дорога закрыта мне.
Баста!
Я просто нигде. И без статуса – тут
стою между жизнью иной
и пространством
без права на суд и небесный приют.

Куда и зачем я?.. Мой путь неизвестен.
Что значимо было, а что – и смешно?..
В чём смысл, если день этот
будет чудесен?
И что из того, что мы жили? И что?!
В беспамятство
глухо уходят надежды...
Кто помнит: правдив был талант
или – лжив?

И всё же хорошо,
что я тот же, как прежде:
я снова такой же – ни мёртв и ни жив.

Ария о кассете
Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

от каждого неточного удара.

Ария о кассете

Ничего не поделять с интригой злобной –
жизнь твою поражает, отраве подобно!
Как над жертвенным пламенем
призрак ехидный,

Та женщина, которой был я дорог,
идёт дорогами,
что с ней прошли мы молодо...
Одна идёт... И горек путь. И долог.
И холодно ей.
Да!
Но не от холода.

А мама слёзы по ночам скрывает...
И, весь осыпанный осенним золотом,
к зиме отец мой тяжело шагает...
И холодно им.
Да!
Но не от холода.

И я иду...
И к ним... И к ней
иду я,
ветрами леденящими исколотый...
И, чтобы жить, ишу я песнь живую.
И холодно мне.
Да!
Но не от холода.

А люди на земле
под снегопадом
тревожно к небу поднимают головы...
Спят как в аэропортах,
автострадах...

И холодно им.
Да!
Но не от холода.

Осенняя смола

Попраны могилы. Солнце – мелисто.
В тепле ворон роется – седой...
Падают унынные листья
во дворы пустые – в мир пустой.

Все живые съехали... Протяжно
в небо извиваются дымы.
Только что сегодня мёртвым скажем,
чем утешим наших мёртвых мы?

Кто рубил здесь корни беспощадно,
чья метла безжалостно мела?
И добавив над пероглифом
на коре осенняя смола.

Словно мы без памяти остались,
и живя глухими средь глухих,
ждали в немоте, да не дождалась
ни прощенья, ни вестей благих...

И звучит осеннее слово
в ветре горестном среди ветвей:
«В этой жизни умирать не ново,
но и жить, конечно, не новей!»

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Переводы Александра Руденко

Николай Петев

О святых вещах

Очевидно, вопрос «Что же является святым» необходим и современен для нашего общества. Жизнь слишком пережжена «одноразовыми» ценностями, и сослагательное с к пошлому, к сомнительной морали и к никчёмным мечтам вызывает потребность возвыситься к ориентирам, кровообращение которых – святость.

На первый взгляд, любой индивид на этот спонтанный вопрос даст спонтанный ответ, где будут перечислены традиционные ценности: мать, родина, Левский, религиозные акцентуации. Но на практике... Практика обязывает нас быть более углублёнными. Увидеть проблему в её национальном аспекте, в поколенческом, в моментном состоянии и, прежде всего, в её бытии будущего.

В английском языке «святость» и «мир» – два разных слова. В русском «мир» и «святой» тоже звучат порозному. В болгарском «свят» («святость») и «свят» («мир») – одинаковы по написанию и звучанию. Быть может, в этом равенстве заложено какое-то отношение? Да, мы всегда открыты, даже в какой-то мере коленопреклоненно, к миру (другое дело – по каким причинам), но, по моему, это чрезвычайно положительное явление. Полагать, что мир, человечество – святые произведения, – это похорошему заложено ещё на уровне языка мышления.

Так как две недели тому назад мне имплантировали ствольные клетку и теперь я должен жить 700 лет, из которых 635 в качестве пенсионера, я начал изучать китайский. Слово «тянь» означает человек. Если добавить над пероглифом одну чёрточку, получается высокий человек, если добавить две чёрточки – получается небо, мир, рай. Не только это сходство, но и огромный исторический опыт настаивают на том, что человек – самое святое на сей поверхности, хотя, может быть, и Спиноза прав, утверждая, что «человеческая раса улучшилась почти всё, кроме самой себя».

Каждый из нас, наверно, поставит акцент на ценности, которые считает чрезвычайно важными на сегодняшний день для болгар. Я только подчеркну

двумя линиями то, без чего нас просто не существовало бы, что в данный момент подвержено разрушению и что всегда будет являться нашим будущим. Речь о языке, о болгарском языке. Аргумент «язык священный моих прадедов» Ивана Вазова – аргумент о нашем сохранении в историческом плане. Сегодня, в глобализирующемся мире, мы, маленький народ с редким языком, не имеем права на риск. Посмотрите на вывески вокруг и простите меня, что выхожу за рамки теории. Парламенту крайне необходимо сосредоточиться на законе о болгарском языке. Опасения, что такой закон будет объявлен некоторыми «националистическим проявлением», глупы.

И напоследок ещё соображение: огромными должны быть наши усилия к подавлению агрессии, которая проявляется очень серьёзно в современном человеке. Она явный и тайный враг святого.

Если мы хотим утверждать подлинные ценности, святые вещи, то должны делать это с умом, а не назидательно. Вспомним расхожее библейское выражение «Святая святых». На самом деле, это часть Иерусалимского храма, куда первосвященник мог заходить только раз в году. Понимаете, о чём я говорю... Надо ли упоминать о том, что в этом священстве заложено какое-то отношение, сокровенное и почти недоступное. Давайте не будем производить святых вещей больше, чем в состоянии вынести. Именно тогда мы станем по-настоящему назидательными.

А вообще, когда в 2630 году я, наконец, всё-таки начну сидеть, Бог знает, какие святые вещи будут вокруг... Но и тогда я скажу то же самое.

Почему нам всем стыдиться?

Активные полицейские мероприятия или ежегодная эпидемия болезни – так и не могу выяснить для себя. Конечно же, речь о памятнике Советской армии в Софии. Некогда мэр Пловдива Спас Гырневский хотел снести Алёшу. Впоследствии выяснилось, что у него есть стихотворение, посвящённое памятнику. Я даже подготовил специальное издание на английском, русском, иврите,

арабском, испанском и немецком, японском и болгарском (так, чтобы у книжки было 8 страниц), но он вовремя смирил свои амбиции. Затем вечно улыбающийся Стефан Софийский, обнимаясь с Лужковым, организовал пивной фестиваль и установил перед памятником Советской армии множество передвижных туалетов. Вряд ли есть смысл говорить о человеческой сути этого индивида. Слышу, что он снова собирается выдвинуть свою кандидатуру в мэры... У него деньги... Они не нажиты преступлениями, а являются следствием изматывающего труда, управленческих идей и научно-технических открытий.

Теперь ерешенится и Инджев, который в своё время закрылся на ключ в государственной канцелярии и никакими силами его нельзя было отодрать от казенных харчей, а в это время и стар и мал поговаривают, что он написал не один донос для нашей Государственной Безопасности и Штаза.

Эти участники «эпидемии» или «мероприятий» меня не интересуют. Меня интересует то, что они создают неверный, отвратительный образ Болгарии, прежде всего, в России. В глазах простого русского человека... Кому это выгодно?

И ещё. Хотеть разрушить памятник, поставленный людям, погибшим за свободу, за который встаёт всё человечество; и французы, и англичане, и американцы, и итальянцы, и представители любой иной национальности, – дикое, антихристианское, античеловеческое деяние. Гырневский и Инджев – против всего мира... О господи!

В Европе 4000 памятников советским солдатам, погибшим за её свободу на её же территории. 561 памятник в Польше – там простилась с жизнью больше шестидесяти тысяч человек. 940 памятников Советской армии есть в Венгрии, которая тоже была союзником гитлеровской Германии во Второй мировой войне. Городской совет Вены каждое утро надравывает до блеска имя Иосифа Виссарионовича Сталина – главнокомандующего армии, чьё имя выведено на одном из красивейших памятников австрийской столицы. Бульвар «Сталинград» в Париже, памятник советским воинам в Осло и памятник в Третов-парке в Берлине – нормальные аргументы для нормальных людей. Всё остальное – историческая, моральная и умственная недостаточность!